

В О С П О М И Н А Н И Я О К Ю Х Е Л Ь Б Е К Е Р Е

ВОСПОМИНАНИЯ Н. А. МАРКЕВИЧА О ВСТРЕЧАХ С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ В 1817—1820 гг.

Публикация и комментарии Н. Г. Розенблюма

Предисловие А. А. Орловой

Автор публикуемых воспоминаний о Кюхельбекере, Николай Андреевич Маркевич, — поэт, музыкант, историк Украины, этнограф, — родился в 1804 г. в Черниговской губернии. В 1817 г. Маркевич был помещен в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге — в то самое учебное заведение, которое в 1819 г., когда Педагогический институт был переименован в Университет, стало называться Университетским пансионом. Среди преподавателей пансиона были выдающиеся прогрессивные профессора — К. И. Арсеньев, А. П. Куницын, А. И. Галич, В. К. Кюхельбекер; среди учащихся — М. И. Глинка, Лев Пушкин, С. А. Соболевский. Маркевичу не исполнилось еще 16 лет, когда в печати появилось его стихотворение — «Гроб» (в «Невском зрителе», 1820 г.); после этого дебюта он печатался в разных периодических изданиях — в «Новостях литературы», в «Московском телеграфе» и др.

В 1829 г., когда Маркевич жил уже в Москве, вышли из печати сборники его стихотворений и переводов¹; в 1831 г. — «Украинские мелодии», сборник народных украинских преданий и поверий в переложении Маркевича. «Украинские мелодии» высоко ценил Тарас Шевченко. В Москве, как и раньше в Петербурге, Маркевич сблизился с литераторами, в том числе с И. В. Киреевским и Н. М. Языковым. В те же годы он усиленно занимался музыкой, беря уроки у известного пианиста Джона Фильда. По свидетельству современников, Маркевич был отличным пианистом.

Поселившись в 1830 г. в деревне, Маркевич занялся историей Украины. В 1842—1843 гг. в Москве вышла его «История Малороссии» в пяти томах, в свое время способствовавшая оживлению интереса к украинской старине². В 1840 г. Маркевич выпустил сборник украинских песен, переложенных для фортепиано (СПб., 1840), вызвавший огромный интерес современников. Второй сборник песен в переложении для голоса с фортепиано был издан анонимно в 1857 г.³ Кроме того, Л. М. Жемчужников упоминает о третьем, неопубликованном, сборнике, который Маркевич передал ему⁴.

Когда Пушкин работал над «Полтавой», Маркевич познакомил его с неизданным памятником украинской историографии «Историей русов»; когда Глинка создавал «Руслана и Людмилу», Маркевич обработал часть пушкинского текста для либретто оперы. В последние годы своей жизни он занимался статистикой и этнографией. В 1860 г., через несколько месяцев после смерти Маркевича, в Киеве был напечатан отрывок из его обширного труда «Внутренняя жизнь Малороссии от 1600 года до нашего времени» под названием, «Обычай поверья, кухня и напитки малороссиян». Извлечено из нынешнего народного быта и составлено Николаем Маркевичем». Значение этой работы Маркевича, как одной из ранних попыток собрать этнографический материал, несомненно. Собирал Маркевич и старинные рукописи, акты и дела (их было у него 6000) и к своему собранию составил подробный каталог⁵. После смерти Маркевича архив его оказался в чужих руках и многие материалы пропали; впоследствии уцелевшая часть его собрания поступила в Румянцевский музей⁶.

Среди трудов Маркевича, кроме перечисленных выше, следует отметить: «Большой исторический, мифологический, статистический и пр. словарь Российской империи» (М., 1836; не окончен); оставшиеся в рукописях переводы на русский язык первой песни «Дон Жуана» Байрона и почти всех сочинений Шиллера, начало «Малорусского словаря», множество стихотворений и т. д.⁷

Умер Маркевич 9 июля 1860 г. в своем имении Туровка, близ Прилук.

Маркевич — сложная фигура: творчество его чрезвычайно разнообразно, идейные позиции — противоречивы. Неустойчивость мировоззрения, характерная для многих либералов первой половины XIX в., проделавших извилистый путь от сочувствия декабристам до консерватизма, — была свойственна и Маркевичу. В юные годы он был близок к Кюхельбекеру и к его кругу, в первую очередь — к Пушкину, был восторженным почитателем Рылеева. Под влиянием поэзии декабристов Маркевич был увлечен героическим прошлым родины (обращение к народному творчеству — характерная черта декабристов), впоследствии рылеевские образы народных героев Маркевич трактует уже не в революционном, а в националистическом духе.

Произведения Рылеева в преддекабрьскую пору были предметом глубокого и искреннего восхищения Маркевича. «...Могу ли я хладнокровно читать „Войнаровского“ и „Наливайку“? — писал Маркевич Рылееву незадолго до восстания на Сенатской площади. — Примите мою и всех знакомых мне моих соотечественников благодарность <...> Вы много сделали, очень много! Вы возвышаете целый народ, — горе тому, кто идет на унижение целых стран, кто пытается покрыть презрением целые народы <...> Но слава тому, кто прославляет величие души человеческой <...> „Исповедь Наливайки“ врезана в сердца наших и моем также»⁸.

После разгрома декабрьского восстания, когда реакционная политика николаевского правительства была направлена на уничтожение революционных настроений среди молодежи, либерализм Маркевича начал все более и более тускнеть. В пятидесятые годы Маркевич примкнул к правому крылу славянофилов.

И все же в тридцатые годы на творчестве Маркевича еще заметно сказывалось влияние декабризма и свободолюбивых идей. Именно в конце тридцатых годов у него завязались дружеские отношения с Шевченко, который, восторгаясь фортепианным исполнением Маркевича, называл его «maestro». Известно также, что, работая над своими историческими поэмами, Шевченко пользовался «Историей Малороссии» Маркевича⁹. Глубоким, искренним чувством проникнуто и стихотворение Шевченко, посвященное Маркевичу, — «Бандуристе, орле сизий»¹⁰.

«Записки» Маркевича о его пребывании в Благородном университетском пансионе (1817—1820) представляют несомненный интерес. Маркевич писал свои воспоминания на склоне жизни, в пятидесятых годах¹¹, однако им присуща свежесть и непосредственность; объясняется это тем, что автор полагался не только на свою память: им были использованы подлинные дневники, которые он вел еще в пансионе. В «Записках» даны характеристики Кюхельбекера, Пушкина, Глинки, Дельвига, Баратынского, Соболевского; находим мы в них и наиболее полную из имеющихся в мемуарной и исторической литературе характеристику Благородного университетского пансиона и оценку общественных событий эпохи, сделанную одним из представителей молодого поколения. Маркевич в «Записках» воспроизводит настроения русских передовых дворян, в будущем — участников декабрьского восстания или единомышленников декабристов.

Нам известны официальные документы, относящиеся к истории Петербургского университета и университетского пансиона¹². Но свидетельства эти имеют односторонний характер и рисуют лишь внешнюю сторону жизни пансиона. Внутреннюю жизнь пансиона, разумеется, никакие донесения и докладные записки изобразить не могут; это — дело живого свидетеля, мемуариста.

Воспоминания говорят не только о деятельности передовой профессуры, но и о настроениях воспитанников. Внутренняя жизнь пансиона до сих пор оставалась, по существу, неизученной; многое было освещено неточно или не освещено совсем. Рассказывая о пансионе, Маркевич говорит: «Мысль о свободе и конституции была в разгаре, Кюхельбекер ее проповедовал на кафедре русского языка; Ал. Пушкин написал

НЕВСКИЙ ЗРИТЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИЗДАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЕНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ типографіи В. Павильяцкова
1820.

95

РОМАНСЪ.

Теперь узнала и о чемъ,
Когда зефиръ сладко дуетъ,
Въ аѳсу прохладою и густою
Такъ томно голуби воркуешь.

Теперь я познала тебя,
Планица льги — филомела!
Увы! я и самой себя
До сей поры не разубила!

Не спалось вѣшней ночью мнѣ;
Цѣлны не мнѣ благоуханіи;
Я дремать ходила какъ во снѣ;
Я видала въ сладостной печали.

Глади на небо, на луну,
Связь вѣщи сумрачной березы,
На осеребренную волну,
Я часто произвала саженіи!

И красной мѣр мнѣ скучень былъ,
Весна меня не веселила:
Но сколько свѣтъ съ тѣхъ поръ мнѣ милъ,
Какъ я Эраста полюбила!

96

Съ тѣхъ поръ, какъ знаю и о чемъ,
Когда зефиръ сладко дуетъ,
Въ аѳсу прохладою и густою
Такъ вѣжно голуби воркуешь!

Вильгельмъ Кюхельбекеръ,

А О Р И Д Ѳ.

Я вѣрою, я люблю; для сердца нужно вѣрить,
Нынѣ, милая моя не можетъ ласкѣриться;
Все непритворно въ ней: желаній томятъ
Средствъ, жаль, —

Смѣлостью робкая, Харитъ, бездѣльный
Нарядовъ и рвчей припавшая небрежности,
И ласковыхъ имѣвъ младенческой лѣтности.

А. П.

КЪ МОЕМУ ГЕНІЮ.

Прими, мой добрый, малый Гений,
Прими бесѣдованъ со мной!
Мой вѣрный другъ въ пути мучений,
Единственный хранитель мой!

Январская книга журнала «Невский зритель» на 1820 г
здѣсь было напечатано стихотворение Кюхельбекера «Романс»; тут же стихотворение Пушкина «Юриде»
Титульный лист и страница журнала с текстом стихотворений

свою оду „Вольность“, другую пьесу — „Кинжал“, — стихотворения Пушкина Маркевич получал через Кюхельбекера и через Льва Пушкина. Таким образом, мемуары Маркевича вводят нас в ту общественную атмосферу, какая царилa в стенах Благородного пансиона.

«Это было время конгрессов, — пишет Маркевич, характеризуя реакционную деятельность Священного союза, — Агамемнон, вождь царей, как называли на Западе Александра, ездил в Верону, в Лейбах; Священный союз процветал. Священный союз этот был не что иное, как заговор царей против народов. Окончив конгресс, царь с триумфом возвращался на родину, и Пушкин пел:

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот!

<...> Это <договор> была неслыханная подлость. Первый зачинщик, гениальный изобретатель конгрессов и Священного союза, был ученик Лагарпа, распространитель свободной мысли, Александр <...> Его признали первым между собою все цари, на что ему больше? <...> народ, сенат, чины встретили его с триумфом. Державин написал стихи, Бортнянский положил их на хор; Александру поднесли титул „великого“. „Один бог велик!“ — отвечал Александр и принял титул „благословенного“ <...> Он Польшу простил, но прислал туда Новосильцева и Пеликана. Прочтите Мицкевича „Дяди“, вы поймете, что такое Пеликан и Новосильцев <...> Скоро раскусили нрав его <...> Ужаснее всего были дела Аракчеева. Он был всемогущ. Часто исчезали молодые люди из семейств, офицеры из полков <...> Наполеон великий доживал век на острове св. Елены <...> Цари отдыхали. Но на душе тяготела у них ужасная мысль: подлая Англия могла спустить с цепи Наполеона. Беранже пел свои бессмертные песни, народ их повторял от Кале до Тулона и от Атлантического океана до Рейна <...> До школьных скамей долетали эти гениальные напевы француза <...> Внук негодяев Людовиков, отвратительных Бурбонов, отродие самое подлое — Людовик XVIII <...> шатался на своем поганом престоле <...> А в Германии убивал студент Занд <...> Александр Пушкин тогда же пустил по свету эпиграмму к Стурдзу:

Холод венчанного солдата,
Благодари свою судьбу,
Ты стоишь славы! Герострата
И звучной смерти! Коцебу!

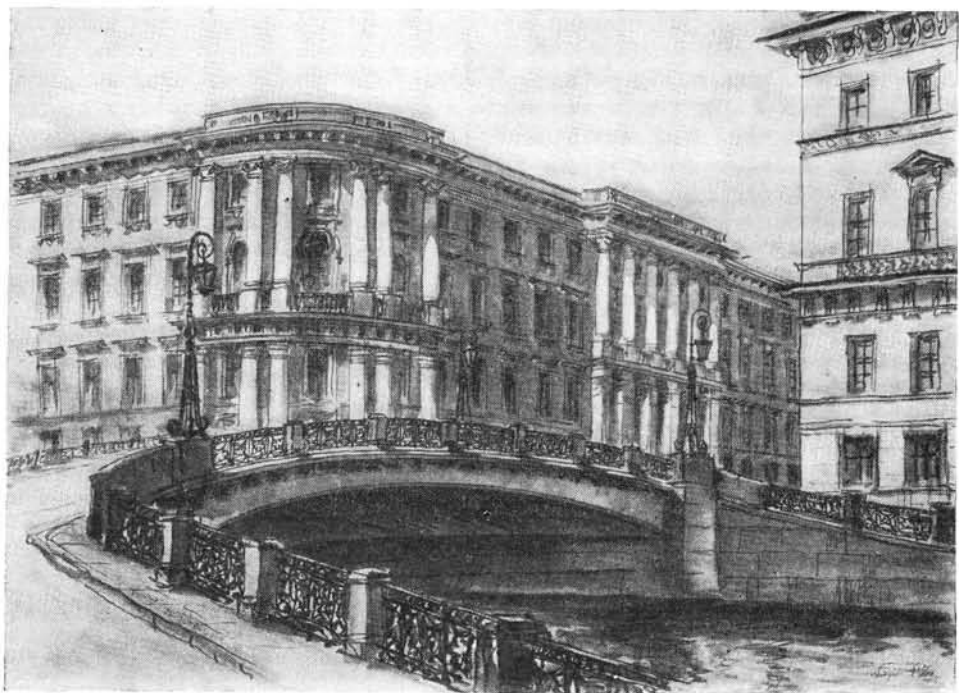
Еще одно имя, не говоря о Гёте, гремело в Европе в это время. Мы не имели верных, точных переводов его творений, но отголоски их долетали до нас, отзывались в сердцах каждого и находили в каждой душе, благородно рожденной, сочувствие <...> То был лорд Байрон <...> Из всего, что я сказал, видно, что хотя многое доходило к нам в стены пансионские из внешнего света, но немного успел я записать. Все, что нашел я в тогдашних моих записках, я внес сюда».

Большой интерес представляют свидетельства Маркевича о революционном значении стихотворений юного Пушкина. Маркевич неоднократно цитирует обличительные стихи поэта, приписывая при этом иногда Пушкину агитационные песни Рыльева и Бестужева. Эта характерная ошибка мемуариста лишний раз подтверждает популярность имени Пушкина среди передовой молодежи. Великому поэту постоянно приписывались вольнолюбивые произведения, даже не принадлежавшие ему.

Описание встреч с Пушкиным принадлежит к ценным страницам «Записок». Очень интересны приведенные мемуаристом слова Пушкина о значении рифмы в поэтическом произведении. Много нового дают «Записки» для изучения биографии М. И. Глинки. Как известно, годы учения в Благородном университетском пансионе представляли в биографии великого русского композитора белое пятно. Воспоминания Маркевича заполняют этот серьезный пробел. «Записки» Маркевича опровергают легенду о том, будто бы Глинка был равнодушен к общественным вопросам. Маркевич вводит нас в ту атмосферу, в которой созрел и развивался основоположник русской музыкальной классики. Рассказывая о литературных диспутах в пансионе, руководителем и организатором которых был Кюхельбекер, и передавая сущность

полемики, превращавшей обычно литературную дискуссию в острый политический спор, Маркевич пишет: «...моих мнений были Левик Пушкин и Михайло Глинка, который, кроме музыки, был хорошим оценщиком поэзии и не сочувствовал никаким Бурбонам». Что же это были за «мнения»? Это была резкая критика абсолютистского строя. Если сопоставить эти слова с характеристикой деятельности Кюхельбекера в Благородном пансионе, становится очевидным: ученические годы Глинки проходили в атмосфере преддекабристских веяний и наложили неизгладимый отпечаток на все его творчество.

Из всех преподавателей наибольшее влияние на воспитанников бесспорно оказывал Кюхельбекер. Об этом рассказывает Маркевич в своих «Записках».

ДОМ № 15 НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ В ЛЕНИНГРАДЕ. ЗДЕСЬ В 1825 г. ЖИЛ
КЮХЕЛЬБЕКЕР

Акварель Э. Б. Бернштейна, 1950 г.

Литературный музей, Москва

О Кюхельбекере он вспоминает с горячей симпатией. Педагог, искренно любимый и уважаемый воспитанниками, тонкий знаток и ценитель передового отечественного искусства, человек, горячо преданный делу развития национальной литературы, последовательный пропагандист вольнолюбивых идей, — таким рисует Маркевич любимца пансиона, — Кюхельбекера. «Благороднейшее, добрейшее, чистейшее существо», — говорит о нем в своих записках Маркевич¹³.

От Маркевича мы узнаем подробности о педагогической деятельности Кюхельбекера в Благородном пансионе; об этом периоде жизни декабриста не сохранилось почти никаких сведений и потому свидетельства Маркевича приобретают большое значение. Мы узнаем, что у Кюхельбекера были простые, дружеские отношения с учениками, отношения, ничего общего не имеющие с формальным подчинением учеников учителю. Кюхельбекер вовлекал учеников в круг борьбы современных литературных течений — таков был его педагогический метод. Весьма интересны приводимые в «Записках» суждения Кюхельбекера, подчеркивающие его интерес к народной поэзии и к обличительной литературе. «Историей» Карамзина интересовался он потому, что пылливо изучал

историю отечества. Мысль о сближении художественной литературы с народным творчеством, чрезвычайно увлекавшая поэта-декабриста, проявилась в его особом внимании к трудам Востокова, в интересе к сборнику Кирши Данилова.

Здесь следует подчеркнуть, что интересом к прошлому своей родины Маркевич безусловно обязан влиянию Кюхельбекера. Недаром с таким благоговением говорит Маркевич о своем учителе, так высоко ценит его художественный авторитет, называя уроки Кюхельбекера «школой очищенного вкуса». Внимание поэта-декабриста к народному творчеству не могло, конечно, не оказать влияния и на эстетические взгляды юного Глинки.

«Записки» Маркевича свидетельствуют о той огромной роли, какую сыграл Кюхельбекер в создании мировоззрения у воспитанников пансиона¹⁴. Ученики усваивали его взгляды на литературу, на историю, его общественно-политические идеалы; Кюхельбекер развивал в них вкус к современной русской литературе, к передовому искусству.

Менее интересны мемуары Маркевича с чисто бытовой стороны. В своих рассказах он опирается главным образом на распространенные среди современников анекдоты о тех или иных лицах и событиях. Живо и ярко рисуя свои встречи с поэтами пушкинского круга, Маркевич, однако, хвастлив и нескромен, изображая себя чуть ли не главным действующим лицом описываемых эпизодов.

С годами Маркевич, как мы уже упоминали, утратил прогрессивные взгляды, некогда присущие ему. Но в воспоминаниях, хотя написанных в позднейшие годы, так ощутимо влияние убеждений его юности, что мы воспринимаем их как живое и непосредственное отражение мыслей и чаяний передовой молодежи преддекабристской поры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н. А. Маркевич. Элегии и еврейские мелодии. Переводы из Байрона и Т. Мура. М., 1829; его же. Стихотворения эротические. М., 1829.

² См. напр.: В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII. М., 1926, стр. 413.

³ Авторство Маркевича установлено К. В. Квиткой («Етнографічний вісник», кн. 6, 1927, стр. 73).

⁴ «Основа», 1861, № 2, стр. 185—186. — «Сборник песен в нотах, состоящий из 150 песен, одной думы „Савва Чалый“, „Вертепа“ с аккомпанементом из 8 номеров, 5-ти свадебных песен и 14 коровайных» хранится в Отделе рукописей ЛБ (см. Отчет Московского публичного и румянцевского музеев за 1870—1872 годы. М., 1873, стр. 8).

⁵ «Основа», 1861, № 1, стр. 294.

⁶ Ныне Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.

⁷ О Маркевиче см.: В. В. Данилов. К биографии Н. А. Маркевича. Екатеринбург, 1911, стр. 1—12; В. И. Маслов. М. А. Маркевич. Прилуки, 1929; «Записки М. И. Глинки». — В кн.: Глинка. Литературное наследие, т. I. Автобиографические и творческие материалы. Под ред. В. Богданова-Березовского. М.—Л., 1952, стр. 71, 94; настоящий том, стр. 75, 83, 153—154. Список трудов Маркевича см. также: Н. Макаров. Воспоминание о Н. А. Маркевиче. — «Основа», 1861, № 1, стр. 293—297, а также Л. Жемчужников. Заметка к статье «Воспоминание о Маркевиче». — «Основа», 1861, № 2, стр. 185—186.

⁸ Письмо от 25 сентября 1825 г. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 597—599.

⁹ Т. Г. Шевченко. Собр. соч., т. I. М., 1949, стр. 445.

¹⁰ Т. Г. Шевченко. Повна збірка творів, т. I. Київ, 1949, стр. 73—74. — Интересно отметить, что стихотворение Шевченко датировано: «Петербург. 9 мая 1840 г.». Маркевич в этот день праздновал свои именины. В дневнике Маркевич перечисляет присутствующих на вечере; в числе гостей: Шевченко, М. И. Глинка, В. И. Штернберг, С. А. Соболевский, Ф. П. Толстой, А. В. Никитенко, бр. Кукольников, Тарновские, А. Н. Струговщиков, Н. А. Полевой, Э. И. Губер, П. П. Каменский, «всего 53 человека» (запись Маркевича опубликована в «Летописи жизни и творчества М. И. Глинки». Сост. А. Орлова. М., 1952, стр. 182).

¹¹ «Записки» Маркевича можно довольно точно отнести к этому времени на том основании, что в тексте упоминается о смерти Льва Пушкина (ум. в 1852 г.).

¹² См. «С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности», т. I. Под ред. С. В. Рождественского. Пг., 1919.

¹³ В предисловии к одной из своих публикаций Маркевичу удалось выразить благодарность Кюхельбекеру за его уроки, обозначив фамилию ссыльного декабриста криптонимом «К—р»: «Я помню общий восторг моих товарищей, когда преподаватель русской словесности К—р приносил мне в подарок от Жуковского книжечки „Для немногих“ и когда мы читали эти восхитительные строки до того, что знали их наизусть» («Москвитянин», 1853, № 12, стр. 13).

¹⁴ Напомним, что среди учеников Кюхельбекера были будущие декабристы: М. Н. Глебов и С. М. Палицын.

〈ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Н. А. МАРКЕВИЧА〉

Кюхельбекер Вильгельм Карлович, учитель русской словесности, соученик и один из друзей Александра Пушкина, Дельвига и Баратынского <...> Благороднейшее, добрейшее, чистейшее существо <...>

Мое сближение с ним началось <в 1817 г., на уроках российской словесности в пансионе при Главном педагогическом институте> ¹.

Был у нас <в первом классе> товарищ, лентяй неслыханный и дурак набитый: Шмидт. Арсеньев ² спросил у него, где экватор? Он начал искать у Новой Земли.

«Хорошо, хорошо! близко оттуда, а где Париж?» Шмидт начал искать в Америке.

«Чем вы занимаетесь?» — закричал Арсеньев, подбежал ко мне и выхватил бумажку, на которой не засохло еще чернило; там было написано:

Того, что в мире бог создал,
Наш Шмидт на месте не оставил:
Экватор к полюсу послал,
Париж в Америку отправил.

«Браво, браво, чудно, славно! дайте я вас обниму, — кричал Арсеньев. — Господа! Кто спешит мне 10 экземпляров?» Живо были готовы 10 экземпляров.

За лекцией Арсеньева следовала лекция Кюхельбекера; в дверях класса они встретились. «Вот какие стихи у вас пишут», — сказал Арсеньев, подавая эпиграмму Кюхельбекеру. — «Кто? Кто?» — этот спросил. — «Маркевич».

«Как бишь этот господин, у которого вы под Прилукою учились?» — спросил меня Кюхельбекер. — «Пав<ел> Павл<ович> Белецкий-Носенко» ³. — «Учил он вас метрике?» — «Я не знаю, что это такое». — «Размер стихов, сочетанье рифм. Теперь знаете, что это такое?» — «Нет-с». — «Как же вы сладили четыре таких превосходных стиха?» — «Так, просто; они сами пришли мне в голову; мне даже кажется, что я где-то их читал». — «Браво! браво! ответ еще лучше стихов. Приходите сегодня ко мне на чай».

Вечером я к нему явился на бельведер. У него были А. Пушкин, Дельвиг, Баратынский и Пушчин.

«Господа! рекомендую вам г-на Маркевича, ему 13 лет; он не знаком с метрикой, но написал вот эти стихи; не угодно ли прочесть?» — Пушкин несколько раз прочитал их и сказал: — «О боги!.. господин Маркевич, примите меня в число друзей». — Между нами тогда много, а после мало было разницы в годах. Пушкину было тогда 17 лет. Это разнеслось по пансиону, и не только товарищи, учителя глядели на меня, как на кита.

Кюхельбекер дал мне Востокова ⁴, кое-что растолковал и обратил мое внимание на входившие тогда в употребление гексаметры ⁵. В ноябре 1817 года я подал ему 22 гексаметра под названием «Гроб». Странность идеи, ужас картины поразили Пушкина, Дельвига, Ф. Глинку и Жуковского <...> Жуковский после напечатал их в «Невском зрителе» ⁶. Но Пушкин, сидя возле меня на классной скамье, советовал писать стихи с рифмами, «не отнимая у публики одного из наслаждений, к которому привыкла она». — Это подлинные его слова <...>

Вскоре Кюхельбекер пристрастился ко мне лично. «Талант у него славный, — сказал он однажды, — но главное: он добрый человек». Потом перестал он цифрами аттестовать меня в рапортчиках: «Я не имею права его аттестовать, — сказал он директору. — Он не менее моего знает дело» <...>

Кюхельбекер был очень любим и уважаем всеми воспитанниками. Это был человек длинный, тощий, слабогрудый; говоря, задыхался, читая лекцию, пил сахарную воду. В его стихах было много мысли и чувства, но много и приторности. Пушкин этого не любил; когда кто писал стихи мечтательные, в которых слог не был слогом Жуковского, Пушкин говорил:

И кюхельбекерно, и тошно ⁷.

Весьма часто я у него пил чай, иногда и завтракал; я наслаждался вечером, сидя у его окон, видом на пылающее в лучах заходящего солнца море. Когда он перешел в Конюшенную, я у него бывал и там; и ни одна минута неудовольствия не бросила тени на нашу приятельскую связь ⁸.

Он подарил мне «Für Wenige» Жуковского ⁹ <...> В то же время подарил он мне и «Граматику» Жуковского, напечатанную в числе 10 экземпляров ¹⁰. Галич ¹¹ взял у меня на прочет эти драгоценности и не возвратил <...> Потом еще подарил он мне собственноручную тетрадку Жуковского, словарь немецко-русский, по которой великая княгиня Александра Феодоровна училась русскому языку; часть этой тетрадки я после подарил моей свояченице Наде, а два листочка вклеил в альбом, над стихами Кюхельбекера к его брату Михаилу Карловичу.

При всей дружбе к нему, Пушкин очень часто выводил его из терпения; однажды до того ему надоел, что вызван был на дуэль. Они явились на Волково поле и затеяли стреляться в каком-то недостроенном фамильном склепе. Пушкин очень не хотел этой глупой дуэли, но отказаться было нельзя. Дельвиг был секундантом Кюхельбекера, он стоял налево от Кюхельбекера. Решили, что Пушкин будет стрелять после. Когда Кюхельбекер начал целиться, Пушкин закричал: «Дельвиг! стань на мое место, здесь безопаснее». Кюхельбекер взбесился, рука дрогнула, он сделал полоборота и пробил фуражку на голове Дельвига.

«Послушай, товарищ, — сказал Пушкин, — без лести — ты стоишь дружбы; без эпиграммы — пороку не стоишь», — и бросил пистолет ¹².

Милонова сатиры, проза и еще более стихи Батюшкова, проза Муравьева и Тургенева ¹³, Кирша Данилов ¹⁴, сатиры Кантемира были любимым его чтением. Державина не позволял никому, кроме меня, читать. «Этот гений образует большие таланты и убивает небольшие» ¹⁵. Катенину не отказывал в большом даровании, но говорил, что этот писатель лишен всякого эстетического чувства ¹⁶. Жуковского изучал и давал изучать ¹⁷. Карамзина ставил недостижимым совершенством слога ¹⁸. Являлось ли что-нибудь новое, он приносил в класс и заставлял меня громко читать. Помню общий восторг, когда, читая в Карамзине о взятии Грозным Казани, я громко произнес: «Да будет едино стадо и един пастырь! грянул сильный гром, земля дрогнула, церковь затряслась». Однажды он вне себя прибежал с «Опытом теории о налогах» Тургенева ¹⁹. На нем было назначение: «В пользу крестьян, содержащихся в тюрьмах за недоимки». Замечательно, что это очень понравилось государю, Тургенев был осыпан наградами. Вдруг государь опомнился, что это вовсе не похвала его администрации. Он запретил книгу, потом позволил второе издание, но с пропусками. Говорят, не знаю, впрочем, правда ли, что «Ижорский» сочинение Кюхельбекера ²⁰. В классе он нам продиктовал свое сочинение «Логика языка» ²¹. Вещь прекрасная, но недоконченная: она у меня уцелела. Из теорий он рекомендовал «Граматику» и «Метрику» Востокова и «Словарь древней и новой поэзии» Остолопова ²² <...>

* * *

<Однажды>, разговаривая со мною о катастрофе Павла, он <Кюхельбекер> мне сказал, что в последние дни жизни императора отец его во-

шел в случайную милость царскую и чуть не сделался таким же временщиком, как Кутайсов. Павел не мог уже обходиться без него; в самый вечер перед последнею ночью, увидя между дворцом и садом несколько ленточников²³, он послал его узнать, что значит это собрание. «Пользуются хорошою погодою, — сказал Кюхельбекера отец, — вратясь царю. — Прогуливаются». Ночью Павла не стало. Когда

№ 212
К. № 573
7 Сентября 1820

14 Августа 1820

Вс Правление Благороднаго Пансиона
устроеннаго при Императорскомъ
С. Петербургскомъ Университетѣ

Промение

Отъ Учителя при ономъ Пансионѣ
Вислѣнна Кюхельбекера.

Разстроенное здоровье мое не
позволяетъ мнѣ продолжать службу
при Благородномъ Пансионѣ. Посему
вину себя въ необходимости просить
Правление оного меня совершенно
уволить въ отставку и издать
аттестатъ о томъ.

Августа 13го дня
1820 — года. —

В. Кюхельбекеръ

ПРОШЕНИЕ КЮХЕЛЬБЕКЕРА ОТ 13 АВГУСТА 1820 Г. ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕГО ОТ ДОЛЖНОСТИ УЧИТЕЛЯ В БЛАГОРОДНОМ ПАНСИОНЕ ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Автограф

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Кюхельбекеру захотелось поцеловать руку покойного царя, его не допустили часовые. Тело лежало в комнате, куда вела двойная дверь; известно, как толсты иные стены в Михайловском замке. Четыре часовых стояло в дверях: пара с одной стороны дверей, другая — с другой. Увидя графа Палена проходящего, Кюхельбекер бросился к нему просить, чтоб его пропустили к покойнику; ни слова не отвечая, Пален дал знать

рукою, чтоб часовые впустили его, а сам прошел мимо. Внутренние часовые не видели этого знака и скрестили ружья, Кюхельбекер хотел воротиться, но впустившие его солдаты скрестили тоже ружья и не выпустили его, и он более двух часов простоял в амбразуре дверей в виду тела своего благодетеля, между четырьмя скрещенными штыками. — Не случись эта катастрофа еще месяц — другой и граф Кюхельбекер не был бы преподавателем русского языка в Санкт-петербургском университетском пансионе ²⁴.

Кюхельбекер был превосходный ценитель литературных произведений. Это была школа очищенного вкуса. Сам писал очень посредственно; Пушкин любил его, был дружен с ним, но не любил его стихов; об этом я сказал выше <...>

Кюхельбекер <...> читал свои стихи очень дурно, хуже нежели Пушкин <...> Обыкновенно, когда он, бывало, приносит нам что-нибудь свое, я читал, и он был очень доволен.

Катенина я вовсе не знал; но стихи его приносил Кюхельбекер и давал их мне громко разбирать, чтоб показать смесь высочайшего таланта с безвкусицей <...>

* * *

У Кюхельбекера я бывал <...> и после, когда он квартировал в Конюшенной, когда я был уже не школьник, между днями моего выхода из пансиона и моего выезда из Петербурга. Дельвиг ²⁵, Баратынский ²⁶, А. Пушкин съезжались к нему по вечерам, и это были превеселые часы. В прелестных стихах и в умных критиках недостатка не было. Чай с московскими сухарями услаждал поэтов, и эти сухари, которые по лавочкам в банках продаются, мне всегда напоминают вечера в Конюшенной у Кюхельбекера. Кроме нас, приезжали к Кюхельбекеру Фед. Ник. Глинка, Нащокин ²⁷, — мой соученик, Пушкин, Чаадаев и другие лица, которых я мало помню или вовсе не помню, да Михайло Карлович Кюхельбекер, родной брат Вильгельма Карловича, моряк ²⁸. Около того времени его невеста умерла; Вильг<ельм> Карл<ович> написал к нему на этот счет послание, довольно немецкое, которое мне подарил для альбома на прощанье; оно и теперь в альбоме у меня ²⁹.

Александр Сергеевич Пушкин жил в доме своего отца над Фонтанкою ³⁰. К нему и прежде выхода моего из пансиона ходил я иногда тайком, ускользнув во время классов пения. В дни моей свободы, т. е. от 1 февраля по 20-е 1820 года, я у него бывал почти ежедневно. Он был болен, никуда не выезжал, обрабатывал 5-ю песнь «Руслана и Людмилы»; дописывал шестую ³¹<...>

Старик Сергей Львович меня полюбил; он часто к нам приходил и вмешивался в литературные наши толки. Левик с необыкновенным критическим талантом, доходящим до какого-то ясновидения в поэзии, критиковал тирады и отдельные выражения в стихах брата своего, Баратынского, Дельвига, Глинка, Кюхельбекера и моих. Кюхельбекер, которого за ум и ангельскую доброту мы вполне чтили и любили, был наш конек; на водяных его стихах мы часто выезжали. При прощании с Пушкиным я получил от него в подарок на память несколько пьес в стихах, он вырвал их для меня из своей красной книги. На одной из станций, едуци в Малороссию, опрокинувшись, я часть бумаг потерял; там погибли списки его сочинений, не могущих быть напечатанными. Две пьесы из красной книги, подарок Пушкина, уцелели. Они вклеены мною в альбом ³².

Один из последних моих прощальных визитов в П<етер>бурге был к Пушкину и к Кюхельбекеру ³³.

П Р И М Е Ч А Н И Я

«Воспоминания Н. А. Маркевича о встречах с Кюхельбекером» извлечены из его «Записок» 1817—1820 гг.

«Записки», рукопись которых принадлежала до 1937 г. А. Е. Бурцеву, приобретены ИРЛИ в 1947 г. и восполняют пробел в хранившихся ранее в Институте «Записках» Маркевича, охватывающих 1804—1817 гг. и частично 1820—1850 гг. «Записки» 1817—1820 гг. (ИРЛИ, ф. № 488, оп. 82) составляют 107 сшитых листов бумаги большого формата, исписанных с обеих сторон. Начало отсутствует (нет нескольких листов первой главы).

¹ К преподаванию в пансионе Кюхельбекер приступил с осени 1817 г. Уволился в августе 1820 г.

² Константин Иванович Арсеньев (1789—1865) — статистик, историк и географ, преподававший в пансионе с 1817 по 1821 г. Был уволен из пансиона вместе с группой прогрессивных профессоров (см. прим. 11).

³ Содержатель частного пансиона в Липинцах, пригороде Прилук. Пансион существовал еще в тридцатых годах XIX в.

⁴ «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова (СПб., 1817).

⁵ В 1817 г. Кюхельбекер в петербургской газете «Le conservateur impartial» (№ 77), в статье, тогда же переведенной и напечатанной в «Вестнике Европы» под заголовком «Взгляд на нынешнее состояние русской словесности» (№ 95, стр. 154—157), писал: «Гнедич вводит у нас героические стихи древних; сия новизна сделает Илиаду его достопамятной эпохой нашей словесности и будет торжеством хорошего вкуса над предубеждением». Позднее, уже в крепости, 16 августа 1833 г. Кюхельбекер записал в дневнике об «Овсяном киселе» Жуковского: «В этой пиэсе мне все показалось прелестным, даже самый экзаметр, хотя я ныне решительный ненавистник этого размера».

⁶ «Невский зритель», 1820, февраль, стр. 86—87.

⁷ Цитата из приписываемой Пушкину дружеской эпиграммы на Кюхельбекера «За ужином обзелся я» (1818 г.).

⁸ В письме к Жуковскому (1820 г.) Кюхельбекер писал, имея в виду Маркевича и его товарищей: «Утешения, которые я до сих пор еще встречал в моей здешней жизни, оставили меня. Молодые люди, которые выросли на моих глазах, которых научил я чувствовать и мыслить, оставили мой класс и перешли в высший» («Русский архив», 1871, № 2, стб. 0173).

⁹ Шесть выпусков 1818 г. Много лет спустя Кюхельбекер вспоминал о них в письмах к Жуковскому: «Жуковский пересылал мне из Москвы свое: *Для немногих*» (письмо от 24 мая 1838 г.); «...бывало спешу <к Плетневу>, как только получу их из Москвы, чтобы похвастать ими» (письмо от 10 ноября 1840 г.) («Русский архив», 1871, № 2, стб. 0175, 0178).

¹⁰ Грамматика Жуковского была написана и отпечатана в десяти экземплярах в ту пору, когда Жуковский преподавал русский язык будущей императрице Александре Федоровне. В письме к Жуковскому от 24 мая 1838 г. из Баргузина Кюхельбекер вспоминал, что «из 10 отпечатанных экземпляров» грамматических таблиц «один достался на мою долю» («Русский архив», 1871, № 2, стб. 0175).

¹¹ Об Александре Ивановиче Галиче см. стр. 420 настоящего тома. С 1815 по 1821 г. Галич занимал кафедру в Петербургском университете; он был уволен из университета происками мракобеса Рунича вместе с другими профессорами за атеизм и дискредитацию властей.

¹² Рассказ Маркевича о дуэли содержит подробности, которых нет в рассказах Пушкина, Далия, Матюшкина и др. В какой-то мере он отдаленно напоминает рассказ М. А. Максимовича (сообщение И. Ф. Павловского: «Осип Максимович Бодянский в его дневнике 1849—1850 гг.» — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 414).

¹³ Мемуарист имеет в виду прозу Н. И. Тургенева (см. ниже).

¹⁴ Через пятнадцать лет, 4 февраля 1832 г., Кюхельбекер занес в дневник, который он вел во время пребывания в крепости: «Прочел три сказки Кириши Данилова; одну из них „Сорок калик со каликою“ в 1815 году я перевел на немецкий язык».

¹⁵ Не изменил Кюхельбекер своего отношения к Державину и впоследствии. В 1825 г. он назвал Державина «первым русским лириком, гением, которого одного мы смело можем противопоставить лирическим поэтам всех времен и народов» («Сын отечества», 1825, № 17, стр. 80). Много позже, 25 декабря 1834 г., находясь в крепости, он писал в дневнике: «Нет сомнения, что дедушка Державин у нас на Руси первый поэт и, кажется, долго еще останется первым».

¹⁶ В «Невском зрителе» (1820, февраль, стр. 107), в статье «Взгляд на текущую словесность» Кюхельбекер писал: «Г. Катенин имеет истинный талант, — сказал я, — когда в первый раз прочел его Софокла. Как жаль, что в сочинениях его не достаёт вкуса, что он не имеет друзей, которые бы говорили ему правду, или как жаль, что он не верит их советам».

¹⁷ Впоследствии Кюхельбекер изменил свое отношение к творчеству Жуковского. В 1820 г. в «Невском зрителе» (февраль, стр. 106), в статье «Взгляд на текущую словесность», он называл Жуковского «гением, творения которого бы должны быть

предметом народной гордости и сладострастием душ высоких и чувствительных», а через несколько лет, в «Мнемозине», в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической в последнее десятилетие», он утверждал, что Жуковский и Батюшков лишь «на время стали корифеями наших стихотворцев». «Будем благодарны Жуковскому, — писал он дальше, — что он освободил нас из-под ига французской словесности и от управления нами по законам Лагарпова лица и Баттеева курса, но не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества» («Мнемозина», 1824, ч. II, стр. 34 и 40).

Редакцией «Литературного наследства» обнаружена в Отделе письменных источников ГИМ рукопись Кюхельбекера «Молитва господня, объясненная стариком-учителем своей двенадцатилетней ученице», 1845 г. (шифр. 74279). В ней Кюхельбекер вспоминает:

«Жуковский меня старше: он пользовался славой лучшего современного поэта России, когда я и не вступал еще в свет. Ребенком я изучал его стихотворения: они согревали мое сердце, питали воображение. Наконец, я покинул мирный приют, в котором вырос, — и первым моим желанием было увидеть самого поэта лицо к лицу, познакомиться, сблизиться с ним. В 1817 году привел меня к нему покойный Гнедич. Жуковский жил тогда в доме одного своего приятеля и находился в покоях хозяина; пошел доложить ему о нашем приходе. И по сию пору с наслаждением вспоминаю тот благоговейный трепет, с каким осматривал я его мебель, его книги, его кабинет, то святилище, где в то время создавал он своего чудно-прекрасного «Вадима».

Он вошел: в его добродушных, задумчивых глазах я прочел душу такую, каких не много. И он полюбил меня, он удостоил меня своей дружбы. Потом... Но зачем вспоминать то, за что заплатил я двадцатилетними страданиями? Жуковский не лишил меня своего сердечного участия и тогда, когда я пал в бездну злополучия».

¹⁸ Из записей, сделанных Кюхельбекером в том же дневнике 27 сентября 1833 г., 12 и 27 сентября 1834 г., видно, что взгляд его на прозу Карамзина изменился.

¹⁹ «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева вышел в 1818 г. (вторым изданием — в 1819 г.). После 1825 г. книга была запрещена царским правительством.

²⁰ Первая сцена «Ижорского» была напечатана в «Сыне отечества» в 1827 г.; три сцены — в альманахе «Подснежник» на 1829 г.; две части были изданы Пушкиным, без обозначения имени автора, в 1836 г.

²¹ Сочинение до нас не дошедшее.

²² «Словарь древней и новой поэзии» Н. Ф. Остолопова в трех частях вышел в 1821 г. Выдержки печатались в «Вестнике Европы» в 1815 г. О них, конечно, идет речь (см. об этом стр. 365 настоящего тома).

²³ Маркевич имеет в виду убийц Павла I (ср. X строфу оды «Вольность» Пушкина: «Он видит — в лентах и звездах... идут убийцы потаенны»).

²⁴ Об отце Кюхельбекера см. стр. 399 настоящего тома.

²⁵ В неизданной части «Записок» Маркевич писал о Дельвиге: «Дельвиг необыкновенно владел стихом <...> Все же он нам нравился менее своих товарищей. Род поэзии, им избранный, был не по нас: подделка под русскую простонародную песню, пастушеское направление других, слепки с древней антологии — все это как-то мало говорило нашим сердцам» (ИРЛИ, ф. № 488, оп. 82, л. 61).

²⁶ В неизданной части «Записок» Маркевич писал о Баратынском: «Все мы любили его стихи; живые, гармонические, свежие, глубоко и сильно прочувствованные, отчетливо и точно выраженные, они были приняты нами с полным наслаждением. К тому же в этих стихах всегда была мысль; это был поэт-мыслитель; для нас, да и для всей России, поэт-мыслитель был неожиданною новостью» (там же, л. 63 об.).

²⁷ Павел Войнович Н а щ о к и н (1800—1854) — близкий друг Пушкина.

²⁸ Интересно, что почти все перечисленные Маркевичем посетители вечеров Кюхельбекера — это либо бывшие члены «бурцовского кружка», либо будущие декабристы.

²⁹ Стихотворение Кюхельбекера «К М. К. Кюхельбекеру. На смерть Т. И. Ба...ой» («О друг! уж нет ее, уж нет твоей Темиры...») («Невский зритель», 1820, апрель, стр. 58).

³⁰ Пушкин вернулся из Михайловского в августе 1819 г. и жил у родителей на Фонтанке, у Калинкина моста, в доме Клокачева.

³¹ Поэма «Руслан и Людмила» была окончена 26 марта 1820 г.

³² Пушкин подарил Маркевичу стихотворения: «К П. П. Каверину» («Забудь, любезный мой Каверин...») (1817 г.) и «Ответ на вызов написать стихи в честь государыни имп. Елизаветы Алексеевны» («На лире скромной, благородной...») (1818 г.). Последнее стихотворение по автографу, принадлежащему Маркевичу, было опубликовано в 1896 г. («Журнал для всех», 1896, № 8, стр. 482). В настоящее время оба автографа находятся в ИРЛИ (архив Маркевича, ф. № 244, оп. 1, №№ 23 и 26).

Наличие стихотворений в архиве Маркевича подтверждает достоверность его воспоминаний.

³³ В рукописи воспоминания о прощальных визитах к Пушкину и Кюхельбекеру отсутствуют — часть листа вырезана.